

ЧАСТЬ 1.

Начало. Продолжение в следующем номере

Во времена буйства *«прав человека»*, которые уничтожают человека как Божие творение, давайте вспомним слово **соборность**, которое обозначает единство людей по своему естеству и в Боге. Оно проявляется во взаимопонимании, в сочувствии, в умении человека жить не только в себе, но и в других так же, как в себе. На соборности основаны семья, церковь, государство. Литературное творчество человека возможно только благодаря остаткам в нём древней соборности в её высшей грани. К сожалению, *соборность* нынче начинают подменять *толерантностью*, то есть терпимостью, снисходительностью к кому-либо другому, как определяется значение этого слова в словаре. Всего лишь терпимость и снисходительность к неравным себе! Разве это можно сравнить, например, с тем чувством тёплого единения и взаимопонимания с родными, которое испытывает ребёнок, носитель соборности, в дружной семье!

Соборность как православный и русский национальный символ имеет свою историю и традиции употребления. Образовано оно от прилагательного *соборный*, а то, в свою очередь, от отглагольного существительного *собор* ← *собирать(ся)*. Оба исходных слова в старославянском и церковнославянском языках (*съборъ*, *съборьнь*) были многозначными, о чём свидетельствуют переводы церковной литературы с греческого на славянский, в которых эти слова использовались в самых различных контекстах и могли обозначать различные реалии. При этом они всегда сохраняли своё исходное значение, связанное с идеей собирания в единое целое. Например, слова *съборъ*, *соборъ* имели значения: ‘собрание’ ‘общество, компания’, ‘собрание епископов’, ‘храм, в котором служат несколько священников’ [ПЦСС, с. 627; СС, с. 638]. Прилагательное *съборьнь* уже в старославянском и церковнославянском имело оценочные (концептуальные) значения – ‘совместный, всеобщий’, ‘вселенский’ [СС, с. 638]; *соборный* – ‘общий, ко всем относящийся’ [ПЦСС, с. 627]. Заметим, что в последнее время в публицистике это слово употребляется только православными авторами, а в либеральной печати вытеснено не только исконно русское православное слово *соборный*, но даже и такие более нейтральные слова, как *всенародный* и *всеобщий*. Их заменило иностранное слово *тотальный*, которое вошло в моду. Даже диктант по русскому языку для всех, желающих его написать, именуется *тотальным*. Наши предки были умнее: они умели использовать богатые смысловые возможности родного слова и не заимствовали слепо чужие слова, а находили в своём родном языке им соответствия. Достаточно посмотреть, например, в «Полном словаре церковно-славянского языка» про-

тоиерея Григория Дьяченко и убедиться, что словом *соборъ* переводили с греческого значения очень многих иноязычных слов, в том числе и такого, как греческое *δημος*, которое звучит как *демос* и значит – *народ* [ПЦСС, с. 627].

Известно, слово *соборность* как идеологический термин, обозначающий духовное единство русского народа на основе Православия и общей исторической судьбы, стал использоваться в первой трети XIX века славянофилами, прежде всего, А.С. Хомяковым. Слово это, выражающее национальную русскую идею, шельмуется либералами, революционерами и просто ненавистниками русской культуры уже около двухсот лет. Однако эта идея жива, живо и слово *соборность*. Историческое обоснование их жизненной силе дают многие современные мыслители.

М.М. Пришвин, православный писатель, считал соборность универсальной основой мироздания: «Вселенная по замыслу Божию есть соборность существ, в которой раскрывается Бог. <...> Эта соборность строится не хаотически, а по Божьему плану, в котором всякому существу указано свое место: и земле, и небу, и траве, и деревьям, и рыбам, и человеку. Соборность эта держится через взаимную связь входящих в неё существ» [10].

По мнению известного современного историка профессора И.Я. Фроянова, «русский этнос, русские славяне во времена Киевской Руси прошли замечательную школу коллективизма и соборной демократии, которая возникала благодаря крещению Руси. <...> Православная вера, православная церковь как нельзя более соответствовали и соответствуют глубинным качествам и свойствам русского этноса. Соборность ведь – та же коллективность, так что одно соединилось с другим. И если русский коллективизм до принятия христианства имел больше бытового характер, то с принятием христианства он приобрёл метафизический, мистический, сакральный характер. С поры крещения Руси русская соборная церковь и русский православный люд, живущий на коллективистских началах, сошлись в гармонии, которая, между прочим, не поколеблена ещё и до сих пор» [16].

К соборности русской литературы в разные эпохи ее существования обратились и современные литературоведы. Так И.А. Есаулов рассматривает в этом ключе древнерусскую и классическую литературу, а также отдельные произведения современных писателей [3].

Таким образом, старинное слово *соборность* в наше время возрождается заново, так как обозначаемая им идея живёт в народе и даёт силы в борьбе за единство русского мира. У этой идеи в русском языке много и других слов-символов, близких по смыслу к её главному словесному обозначению. Все они отражают разные грани соборности, которая по-прежнему, вслед за А.С.Хомяковым, традиционно понимается как свободное и органическое единство людей на основе любви к Богу и взаимной любви верующих друг к другу.

Наблюдая за мыслями вологодских писателей в их поэтических и прозаических произведениях, мы постоянно встречаем слова и образы, кровно связанные с русской православной идеей духовного единства народа.

«Наше великое крестьянское родство»

Мы не сможем обрести себя без духовного единения с народом, с его самосознанием в прошлом и настоящем. Стихотворение в прозе Александра Александровича Романова так и называется – «Обретение себя»:

«Я вскинул взгляд в надвратное пространство алтаря и замер от пронзившего меня взора Богородицы. Огромные глаза, таившие счастье и муку материнства, казалось, вопрошали с высоты: понимаю ли я жертвенную благодать жизни? И неотступно ширясь передо мной и во мне, эти глаза видели всю мою потайную сущность, и я, может, впервые так тревожно цепенел, стоя перед неотвратимым ясновидением.

И белые блики, всё более сиявшие из глубины тёмных зрачков, и задумчивая молитвенность лица, обрамлённого лиловым хитонам и склонённого с живым участием ко мне, как и к любому, входящему в храм – вся эта озарённость Богоматери с младенцем Иисусом на руках была пронизана тёплыми кругами восходившей во мне радости.

И я жарко перекрестился. И сразу услышал голос моей покойной матери, словно бы очутился вблизи неё. Я оглянулся вокруг себя на молящихся женщин и понял, что все истово молящиесяся

страдалицы похожи на мою бедную мать. И лицо её пригожее, чистое, сиявшее от молитв, которые я слышал с детства, из памяти обернулось как будто въявь, и я увидел свою мать, стоящую перед иконой Божьей Матери с зажжённой свечкой в руках. И воскрес во мне её голос, и слышал я, как она поминала всю нашу родню – начиная с моего отца, убиенного на Отечественной войне, родителей своих, и всё шире и далее охватывала поимённо наше великое крестьянское родство ...

Так смала я запомнил свою молящуюся мать, от неё запали мне в душу и в сознание родственные имена вплоть до третьего колена с отцовской и материнской стороны.

И любо мне было чувствовать себя в таком широком и добром круге родства. И сам с годами, и мои сыновья, а теперь и внуки – все мы обретаем в нём своё место [12, с. 158].

Мысль о духовном родстве людей пронзила сердце писателя в храме. Такое случается в храме со всеми, кто пришёл туда с чистой душой. И это не случайно. Как писал выдающийся богослов Е.Н. Трубецкой, храм «выражает собой тот новый мировой порядок и лад, где прекращается кровавая борьба за существование и вся тварь с человечеством во главе собирается во храм <...> Мысль эта развивается во множестве архитектурных и иконописных изображений, которые не оставляют сомнения в том, что **древнерусский храм в идее являет собой не только собор святых и ангелов, но собор всей твари**» [14, с. 210].

На осознание духовного единения настраивают в храме не только его архитектура и иконы, но и церковное пение. В.И. Белов в книге «Невозвратные годы» об этом писал так: «*Оно пеленоло, оно окутывало как вновь крещаемых, так и готовящихся отойти к Богу. Тепло, уютно становилось душе человека от этого пения. Тут и жалость, и сострадание для обиженных и увечных, тут и надежда, тут и сдерживающее увещевание для слишком нетерпеливых, непоседливых, рвущихся в бой или на повседневный труд ради хлеба насущного*» [2, с. 63].

Без духовного единства с народом и любви к Отечеству невозможно разобраться в себе. Как и А.А. Романов (см. выше), к этой мысли обращался в своём стихотворении его друг поэт Виктор Вениаминович Коротаев [7]:

*Какая даль лежала предо мной ...
Я, чувствуя причастность к ней и гордость,
Смотрел в неё и знал, что за спиной
Не менее прекрасная простёрлась.
Светило солнце светом поздних сил,
Леса роняли медленно убранство,
И белый храм, как облако, парил
И озарял дремавшее пространство.
«Россия! Как легко с тобой вдвоём» –
Шептал я и взывал к кому-то: «**Братцы,
Пока мы эту землю не поймём,
Нам до конца в себе не разобраться.**»*

В современную эпоху разорения деревни и крестьянской культуры поэты считают своим главным поэтическим долгом напомнить об исконном соборном единстве русского крестьянства и стать его хранителями. Поэтому тема духовного родства является для них самой главной. А.А. Романов прямо об этом заявляет в своём стихотворении «Тыщи лет» [12]:

*Я – писец опустевшей деревни,
Но лари моих дней не пусты.
Чем древнее слова, тем согревней,
И стихи ткуются, будто холсты.
**Я искатель своих родословий
И туда сквозь века проберусь,
Где на пашне Микула весёлый
Обнимал краснощёкую Русь.**
И в земле неторёной, раздольной,
Петухами ещё не воспет.
Воссиял из мужицких ладоней
Над холмами тесовый рассвет.*

*Я в пути с тех времён и доселе –
Тыщи лет моя память жива.
И в лукошке моём для посева
Золотого отбора слова.*

[12, с. 71]

А.А. Романов считал, что беды XX века в России связаны с тем, что крестьяне утратили «вековую власть мужицкого родства» [12]:

Раздумья

над романом Василия Белова «Год великого перелома»

*Оглянусь и знобко стыну:
Век двадцатый позади...
Мне, земли российской сыну,
Брать ли поприще судьи?
Упрекать ли Русь родную
За её разбитый путь?
С ней беду перебудую,
Не сбегу куда-нибудь.
Память родины нетленна!..
Широко у нас росло
И до третьего колена
В семьях правило родство.
Девок сватали не с ходу –
Не за голый батожок,
А к значительному роду
И на хлебный бережок.
**А, случись, беда какая,
То с надеждой на Христа,
Выручала вековая
Власть мужицкого родства.**
...Эти древние уставы
Мы, отступники, сожгли.
Мы предателями стали
Святоотческой земли.
И чужая власть и нежить
Всю Россию растрясла...
Где же Родина? И где же
Колесо того родства?
А оно, попав под выброс,
Выбилось из борозды
И, ломаясь, покатилося
Мимо поля и избы.
Покатилося с громом, с треском
Из родимых палестин
В причитанье деревенском
В раскулаченную стынь...
**И поныне те злодеи
Рвутся к власти неспроста.
Что ж мы в горе холодеем?
Встанем,
Встанем в круг родства!***

Услышит ли этот призыв поэта нынешнее поколение? Будет ли для них дорога соборность, основанная на православном единстве русского народа и его любви к Отечеству? Та соборность, о которой говорили А.А. Романов и В.И. Белов и которую горячо защищал поэт В.В. Коротаев в своем творчестве [7]:

«Не принимайте близко к сердцу
Любое горе
И печаль...»

Что ж, поделиться
Иноверцу
Расхожей мудростью не жаль.
Его религия – как мета
Над подвернувшейся строкой:
Сегодня – та,
А завтра – эта,
А можно –
Вовсе никакой.
Но как же быть
Единоверцу,
Что землю всю
И небосвод
Не просто
Принимает к сердцу,
А в сердце
Собственном
Несёт?..

Лад

Русский народ издавна традиционную соборность своего жизненного уклада называл словом *лад* и высоко ценил его. Неслучайно в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» отмечена старинная поговорка: «*На что клад, коли в семье лад*» [СРЯ XI – XVII вв., вып. 8, с. 160]. Василий Иванович Белов талантливо раскрыл суть *лада* крестьянской жизни в своих художественных произведениях и посвятил ему специальный труд – книгу «Лад. Очерки о народной эстетике». В предисловии он пишет: «*Всё было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось своё место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию*» [1, с. 8]. К этой последней мысли Белов возвращается и в заключительной части своей книги: «*Да нет, не бывает абсолютно одинаковых, другими словами, совсем бездарных людей! Каждый рождается в мир с печатью какого-либо таланта*» [1, с. 288].

Соборное сознание русского крестьянина было основано на единстве православной веры и традиционного быта, крестьянского труда и русской природы. Для всех этих сфер свойствен определённый ритм, определённая цикличность. В.И. Белов считает ритм необходимым условием сохранения лада в народной жизни: «*Ритм – одно из условий жизни. И жизнь моих предков, северных русских крестьян, в основе своей и в частности была ритмичной. Любое нарушение этого ритма – война, мор, неурожай – лихорадило весь народ, всё государство. Перебои в ритме семейной жизни (болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест члена семьи, гибель коня, рекрутство) не только разрушали семью, но сказывались на жизни и всей деревни*» [1, с. 8]. Православный годовой цикл праздников соответствовал годовому циклу в природе и в сельскохозяйственных работах крестьян. Как считает В.И. Белов, «*русское православие в своем народном выражении очень терпимо относилось к языческим бытовым элементам, официальная церковь также в основном избегала антагонизма. Христианство на русском Севере не противопоставляло себя язычеству, без тщеславия приспосабливалось к существовавшей до него народной культуре, и они взаимно влияли друг на друга*» [1, с. 201]. К сожалению, современные неоязычники нередко настроены воинственно к Православию, что разрушает принцип русской соборности. Причина заключается в том, что, если дохристианское язычество было, по образному выражению отца Павла Флоренского, «зарёй, предвещающей восход солнца – Христианства», то современное язычество, как и любой постмодернизм, носит деструктивный характер. Конечно, многих таких людей томит тоска по вере, по истинно родному и святому, но нет у них пока духовных сил подняться до понимания Православной веры – главной хранительницы русской земли.

Центром того мира, где царят лад, любовь и Бог, всегда была православная семья. Об этом пишет в своем стихотворении Юрий Максин [8]:

*В стенах родительского дома,
в их тишине*

*душа к былым годам влекома,
к былой стране.
И к праздникам былым и датам
рождений,
к тем,
кто сделал первый шаг когда-то
на радость всем.
За первым шагом было много
Путей-дорог...
**Но привела опять дорога
сюда, где Бог.***

***Где Он затеплил в поколеньях
любви огонь,
соединив, как цепи звенья,
ладонь в ладонь.***

Лик

Слово **лик** – праславянского происхождения и первоначально имело значение ‘вид, форма, образ’ [ЭССЯ, в. 15, с. 77], и лишь позднее оно получило значения ‘лицо’ и ‘икона’. Это слово в богословской литературе и в поэзии сохранило своё первоначальное значение, преобразованное в символическое – духовный образ чего-либо. В русской культуре XX века мысль о том, что в соборности проявляется лик народа, то есть его дух, высказывалась талантливым богословом отцом Павлом Флоренским: «В соборном, через непрерывное соборование и непрерывное собирание, живущем духовном самосознании народа» проявляется его **лик**. «Под ликом мы разумеем чистейшее явление духовной формы, освобожденное от всех наслоений и временных оболочек, ото всякой шелухи, ото всего полуживого и застыгшего чистые, проработанные линии ее» [15, с. 354].

К мысли о соборности как духовном образе русского народа, его лике, постоянно обращался в своей поэзии и певец Русского Севера Николай Алексеевич Клюев:

*Я помню **лик**... О Боже, Боже!
С апрельскою березкой схожий
Или с полосынькой льняной
Под платом куколя и мяты ...*
[5, с. 22]

*Над Сахарою смугло-золот
Прозябнет **России лик**.*
[4, с. 410]

*О, кто Ты: Женищина? **Россия**?
В годину чёрную собрат!
Поведай тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?*
[4, с. 125]

*Задонск — Богоневесты роза,
Саров с Дивеева канвой,
Где **лик России**, львы и козы
Расшиты ангельской рукой.*
[6, 95]

Для Н.А. Клюева соборность русской жизни всегда связана с Православной Верой:

***Свете тихий от народного лика**
Опочил на моих запятых и точках.*
[4, с. 395]

В «Песни о Великой Матери» поэт с сердечной болью сожалеет о насильственном разрушении православной соборности русского народа в революционное лихолетье XX века [5: 5]:

*И у русского народа
Меж бровей не прыщут рыси!
Ах, обожжен лик иконный
Гарью адских перепутий,
И славянских глаз затоны
Лось волшебный не замутит!*

Однако русская литература свидетельствует, что идея соборности жива в народном сознании до сих пор.

В стихотворении Николая Михайловича Рубцова «О Московском Кремле» символом единства русского народа стал «лик священного Кремля» – сакральный центр русской истории [13: 59-60]:

*Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе – о, русская земля! –
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было всё: смиренье и гордыня –
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!
<....>
Остановитесь тихо в день воскресный –
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред нами, реет и горит?
**И я молюсь – о, русская земля! –
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны***

Действительно, в 60–70 годы многие в России забыли об иконах, так как душа без Бога осиротела, но «лик священного Кремля» согревал сердца и объединял русских людей.

Хор

В древнерусском языке было ещё одно слово *ликъ*, которое имело такие значения – ‘собрание, сонм, множество’, ‘собрание поющих, хор’, ‘пение, пляски, радостные возгласы, ликование, торжество’ [СРЯ XI – XVII вв., вып. 8, с. 233]. Распространённое на Руси хоровое пение в церкви и в быту, было выражением соборного сознания народа. Митрополит Иоанн Снычѣв особо отмечал соборность народных духовных песен, которые пелись нередко хором: «...народ пел от полноты сердечного чувства, созидая духовную поэзию как молитву, под благодатным покровом покаяния и умиления. Этим самым он *свидетельствовал о богатстве своего соборного опыта*, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности» [9, с. 60-61].

В поэзии вологодских авторов слово *хор* и словосочетание *хоровое пение* создают поэтические образы единства, лада и соборности. Во-первых, это разнообразные звуки родной природы, приветствующие радостным хором лирического героя и выражающие тем самым любовное единство с ним. Вспомним знаменитое стихотворение В.В. Коротяева [7]:

*Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твоё появленье **приветствуют** птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.*

*Пока озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя –
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Ещё и усы не подкручивал колос –
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеёк предлагает свой голос,
А лён зацветающий дарит глаза.
Свой смех – колокольчик,
Роса – свои слёзы,
Причёску – густая волнистая рожь,
И статность тебе обещает берёза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмёшь.
Спешит к тебе каждый
с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата ... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.*

Образ «согласного хора» природы, духовно единой с лирическим героем, есть и у Н.М. Рубцова, например, в стихотворении «Последний пароход» – прощальной песне, выражающей скорбь по ушедшему другу – поэту Александру Яшину [13: 174]:

*... Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И тёмный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угором ...
<...>
В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом ...
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И тёмный лес, и стаи журавлей
Над беспробудно дремлющим угором ...*

Как уже говорилось выше, в церковнославянском языке существует слово *ликъ*, которое является синонимом к современному слову *хор*. Слово *ликовать*, образованное от *ликъ*, первоначально имело значение ‘петь хором’, а потом уже приобрело значение ‘восторженно радоваться, торжествовать’. В стихотворении Н.М. Рубцова «Привет, Россия ...» глагол *ликовать* органически совмещает оба значения – старое и новое [13: 187]:

Привет Россия...

*Привет, Россия – родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое ...
<...>
Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!...*

В этом стихотворении Н.М. Рубцова единение лирического героя с родной природой и Россией символически выражено образами незримого хорового пения и ликования.

Духовный смысл соборного единства мира воплощен в поэзии Н.А. Клюева в образе небесного хора. Например, в стихотворении «Песнь похода», которое было написано сначала в 1911, а затем переработано в 1917 году, поэт воспевает подвиг невидимой брани с силами зла на земле и утешительное соборное единение людей с Творцом на небе после воскресения [4]:

*Братья-воины, дерзайте
Встречу вражеским полкам!
Пеплом кос не посыпайте,
Жёны, матери, по нам.
Наши груди – гор уступы,
Адаманты – рамена.
**Под смоковничные купы
Соберутся племена.**
Росы горные увлажят
Дня палящие лучи,
Братьям раны перевяжут
Среброкрылые врачи...
В светлом лагере победы,
Как рассветный ветер гор,
**Сокрушившего все беды
Воспоет небесный хор,—
Херувимы, Серафимы...**
**И, как с другом дорогим,
Жизни Царь Дориносимый
Вечерять воссядет с ним.**
Винограда вкусит гроздий,
Для сыновних видим глаз...
Чем смертельней терн и гвозди,
Тем победы ближе час...
Дух животными крылами
Прикоснётся к мертвецам,
И завеса в пышном храме
Раздерётся пополам...
**Избежав могильной клетки,
Сопричастники живым,
Мы убийц своих приветим
Целованием святым,**
И враги, дрожа, тоскуя,
К нам на груди припадут...
**Аллилуя, аллилуя! –
Камни гор возопиют.***

Н.А. Клюев следовал библейской традиции, образам псалмов и церковных песнопений, (которые и в наши дни звучат в храмах), например, такому песнопению [14: 575-577]:

*Всякое дыхание да хвалит Господа.
Хвалите Господа с небес,
хвалите Его в вышних.
Тебе подобает песнь Богу.
Хвалите Его вси ангели Его,
хвалите Его вся силы Его.
Тебе подобает песнь Богу.*

Псалом 148

*Хвалите Господа с небес,
хвалите Его в вышних.
Хвалите Его, вси Ангели Его,
хвалите Его, вся силы Его.
Хвалите Его, солнце и луна,
хвалите Его, вся звезды и свет.
Хвалите Его, Небеса небес и вода,
яже превыше небес.*

*Да восхвалят имя Господне:
яко Той рече, и быша, Той повеле, и создашася.
Постави я в век и в век века, повеление положи,
и не мимо идет.*

*Хвалите Господа от земли, змиеве и вся бездны:
огнь, град, снег, голоть, дух бурен, творящая слово Его,
горы и вси холми, древа плодоносна и вси кедри,
зверие и вси скоти, гади и птицы пернаты.
Царие земстии и вси людие, князи и вси судии земстии,
юноши и девы, старцы с юнотами,
Да восхвалят имя Господне, яко вознесесея
имя Того Единого, исповедание Его
на земли и на небеси.*

Удивительно, что поэт мечтал о райском единении людей и всякой твории в год крушения традиционной соборности русских людей, которое привело к Гражданской войне.

Литература

1. Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 293 с.
2. Белов В.И. Невозвратные годы. – СПб.: Политехника, 2005. – 192 с.
3. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995.
4. Клюев Н.А. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1977.
5. Клюев Н. Песнь о Великой Матери // Знамя. 1991. № 11.
6. Клюев Н. Каин // Наш современник. 1993. № 1.
7. Кортаев В.В. «Прекрасно однажды в России родиться...». – Вологда: Русский культурный центр, 2009. – 303 с.
8. Максин Ю. Плавающий берег. Стихотворения и поэмы. – Вологда: Литературный фонд России, Вологод. отделение, 2013. – 168 с.
9. Митрополит Иоанн Снычёв. Самодержавие духа. СПб., 1994.
10. Пришвина В. Д. Невидимый град. – М., 1962.
11. Псалтирь учебная. – М.: Изд-во «Правило веры», 2006. – 797 с.
12. Романов А.А. Последнее счастье. Поэзия. Проза. Думы. – Вологда, 2003. – 263 с.
13. Рубцов Н.М. Стихотворения. – М., 1978. – 299 с.
14. Трубецкой Е. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи (1916) // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология. – М.: Прогресс, 1993. – 195-219.
15. Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Том 2. – М.: «Мысль», 1996. – С. 352-369.
16. Фроянов И., Богачёв А. «России нужны вера и правда» // Сайт «Русская народная линия». 28 сентября 2016.

Словари и их условные сокращения

Полный церковнославянский словарь. Сост. Г. Дьяченко. – М.: «Посад», Издательский отдел Московской Патриархата, 1993. – 1120 с. – ПЦСС.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с. – СМ

Словарь русского языка XI–XVII вв. Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 8. – М.: Наука, 1981. – СРЯ XI–XVII вв.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1999. – 842 с. – СС.

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – Вып. 15. Москва: Наука, 1988. – ЭССЯ.